

КОГДА я думаю о прямой причастности литературы к трудам и заботам страны в послевоенные годы, я первым вспоминаю Валентина Овечкина, чья писательская и публицистическая работа неслась в себе черты нравственного подвига. Я не принадлежу к числу тех, кто упоминает слово «подвиг» с расхожим легкостью, но к работе Овечкина применимо именно это слово. Его работа вдохновила многих других литераторов разных поколений, и это свидетельствует, что сила положительного примера поистине великое дело не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в литературе.

Нет нужды делать икону ни из кого, в том числе и из Овечкина, но, сталкиваясь на протяжении последних полутора десятилетий с наиболее мужественными и деловыми, несущими рядом с критическим позитивом, жизнеутверждающее начало выступлениями наших публицистов, — я всегда вспоминаю Овечкина, его перо и его стиль подхода к жизни.

Нравственной основой наших публицистических выступлений, их краеугольным камнем является глубокое знание предмета. Запальчивое стремление похвалиться своей смелостью не дорого стоит. Дорого стоят с достаточной решимостью высказанные убеждения, основанные на знании всех сторон той или иной проблемы.

Назвав автобиографическую книгу «Моими университетами», Горький имел в виду жизнь. Наша жизнь — те университеты, которые мы в ней проходим, становятся все сложнее, требуют от нас все больше знаний, владения все большим количеством информации.

Но, добравшись до сути явления, каждый из нас, литераторов, в конечном счете имеет дело с человеком, живущим в современном обществе той же сложной и напряженной жизнью, что и мы сами. Мы не можем отделить в своем сознании время от человека и не в состоянии понять время иначе, как через человека. И проблема эта стоит перед публицистом, хотя и в других поворотах, чем перед романистом или драматургом, но с не меньшей остротой.

Перечитав материалы XXIV съезда партии и доклад Л. И. Брежнев «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, я еще раз задумался над тем, как настойчиво подчеркивают эти партийные документы неразрывность экономических и нравственных задач, неотделимость задачи совершенствования общества от задачи совершенствования человека. Тем самым подчеркивается и ответственность за стоящих перед нами, литераторов. Наша литература — это активное человековедение, не просто регистрирующее хорошее и плохое, а способствующее совершенствованию человека, а через человека — и общества.

Вспоминая всю историю советской литературы, не будет преувеличением сказать, что это — литература деятельных героев, что она стремится привлечь сердца читателей к деятелям, а не к созерцателям. Ибо в нашем обществе, связанном единством дел и усилий, созерцатель, при всех его прочих симпатичных качествах, это созерцатель чужих дел, т. е. в конечном счете закрывает. Не хочу выглядеть доктринером, но ведь за словами «бездельный человек» стоит понятие человека без деятельности. Возникает вопрос: чем же этот человек, бездельно живущий в современном обществе, интересен мне — читателю?

Интерес к личности человека тем больше, чем ярче его личность проявляется в деле. С выяснения того, как он занимается своим делом, начинается нравственная оценка его как личности.

Мы часто говорим о борьбе между личными и общественными интересами. Сознательная выработка в себе готовности поставить интересы общества выше личных интересов, вкусов, счетов, пристрастий входит в наше понимание нравственного кодекса человека нового общества. Но в этом порой остром конфликте личного и общественного нельзя упускать из виду, что за личным — стоит личность. Что готовность поступиться своим личным в интересах общего — есть проявление личности, ее нравственной силы и нравственного богатства, а не ее уступчивости или безволия.

Мне не особенно нравится терминология, делящая темы на «производственные», «сельскохозяйственные» или «морально-этические», «морально-бытовые», не потому, что я робею перед суховатыми терминами вроде «производственный роман». Я просто-напросто не очень представляю себе, как можно отдельно, разрабатывать так называемые морально-этические или морально-бытовые темы, вырывая наших современников из сферы их общественной деятельности, из той самой «производственной» темы, которая им, деятельным людям, и по ночам-то порой снится, так же неотступно, как разное «морально-этическое» и «морально-бытовое».

Я один из писателей, чьи книги связаны с войной. Обычно никому в голову не приходит назвать военный роман «производственным». Но если

на минуту отвлечься от всех тех неповторимых условий, с которыми связан трагическое дело войны, то любой из моих военных романов можно при желании назвать «производственным». И сделал это кто-нибудь, мне нет причин сетовать на такое по форме странное, но по существу не далекое от истинного определение. Да, все эти книги, в сущности, написаны о людях, которые работают на войне. И то, как они воюют, как занимаются этим, свалившись на их плечи таким делом, определяло мое отношение к ним.

Я мерю их нравственный облик мерой усилий, вложенных ими в выполнение планов, мерю их решимость взять на себя ответственность, мерю их правдивость в докладах об успехах и о неудачах, то есть в сущности теми же категориями, которыми оценивается личность человека, в совершенно иных условиях, в книгах, по отношению к которым термин «производственный роман» звучит куда привычнее.

Этим личным и, может быть, на первый взгляд несколько странным примером я хочу подчеркнуть, что для меня человек интересней всего в сфере тех отношений, которыми связывает его с другими людьми дело. Связывает и противопоставляет, сближает и отдаляет, сорит и мирит.

Наша современная публицистика в лучших ее образцах — я имею в виду не только странички газет и журналов, но и телевизионную публицистику, документальные и научно-популярные фильмы — в своем обращении к деловым и одновременно — подчеркиваю, — одновременно — моральным проблемам времени, в своем стремлении к действительному вмешательству в борьбу не абстрактных, а вполне конкретных

Константин СИМОНОВ

ЛЮДИ И ДЕЛО

рактных, а вполне конкретных добра и зла в нашей повседневности, оказывает немалое влияние на всю литературу.

Мысль об этой роли публицистики, благородно подталкивающей разные жанры литературы к насущным проблемам нынешнего и завтрашнего дня, не раз приходила мне в голову и когда я видел «Таблетку под языком» в театре Сатиры, и «Восхождение на Фудзияму» в «Современнике», и когда слышал отклики на МХАТовский спектакль «Сталевары».

Это сказано не в обиду создателям так называемых «крутых полотен». Все мы по-прежнему учимся друг у друга. И для нашей литературы в целом большое благо — тот нравственный климат, который создает наша публицистика.

Если взять один из наиболее заметных примеров последнего времени — помещенную в «Литературной газете» статью Георгия Радова «Безнаказанность», для меня дело не только в том, что она ставит «правильный» вопрос о важности поставленных в ней проблем, но и в том влиянии, которое такие статьи, отправляясь от жизни, несут в литературу, подталкивая нас всех к постановке подобных и схожих с ними острых проблем современной жизни уже не только в публицистическом жанре, а и на иных, более обширных плацдармах — повести, романа, пьесы, кинофильмы.

У этого влияния есть и вторая, благотворная сторона: некоторые наиболее сильные публицистические выступления наших товарищей по работе представляются мне как бы лакмусовой бумажкой, которая делает из каждого из нас, литераторов, слабейшего всеми внешними атрибутами художественности, плетение словес и вышивание гладью, которое еще наблюдается у нас и в художественной литературе, и в художественном кинематографе.

Эта лакмусовая бумажка заставляет нас задуматься: а насколько ты сам, своей последней или предпоследней книгой глубоко затронул действительно важные для общества проблемы? С какой мерой активности ты чему-то помог или чему-то помешал своими книгами?

У той безнаказанности, о которой написал Радов, есть вторая, внутренняя сторона. Кроме слов «наказание» есть русское выражение «наказать себя» за то, что ты дурно сделал, понятие древнее, но по сути своей тесно связанное с таким современным понятием, как саморитика.

Ведь понятие социалистической нравственности предполагает не только общественное наказание или общественное осуждение за те прототипы и убытки, которые принес человек обществу. Социалистическая нравственность предполагает, очевидно, и способность человека назвать самого себя за сделанные им ошибки. И залогом того, что они не повторятся, — не только неотвратимость общественного осуждения, но и неотвратимость суда собственной совести.

Я говорю о мыслях, обострившихся у меня, когда я прочел Радова. Сила настоящей публицистики — двойная. Она не только привлекает внимание к тому, что конкретно названо, но подталкивает нас к сравнениям, ставя перед нами задачу, своим делом и своей ответственностью перед обществом.

НЕ ТАК давно я смотрел телевизионную передачу, связанную с пуском самой большой в нашей стране и в Европе лифтовой башни. Замечательный строитель Михаил Меркулов со своей бригадой монтажников в свирное зимнее время разобрал под самым куполом башни металлическую площадку, с которой по этому шел монтаж башни. Я с волнением слушал рассказ о том, как стремительно была сделана эта уникальная по трудности и опасности работа, необходимая для пуска башни. Но потом к этому волнению прибавилось чувство какой-то недосказанности. Мне стало казаться, что я не услышал чего-то еще, тоже очень важного.

Это чувство усилилось, когда, читая в подшивке лифтовой башни газеты матери-

алы о трудовой доблести строителей башни, я столкнулся с описанием того, как работали монтажники Меркулова, разбирая эту металлическую площадку. В газете описывалось, как им, работавшим на сорокаметровой высоте, буквально не на что было встать ногам — вокруг гладкие кирпичные стены, а внизу — шахта башни. Как они семнадцать часов, сменяя друг друга, на весу, закрепившись за скобу поясми, резали на куски металл и спускали его вниз через узкие отверстия.

Читая описание этой работы, по справедливости заслуживающей названия героической, я вспомнил примерно семилетней давности выступление авиаконструктора О. К. Антонова в «Комсомолке», где он дал очень точное, по моему, определение героизма. «Что такое героизм? — писал в своей заметке Антонов. — Это достижение необходимой обществу цели в условиях, когда все обычные средства для достижения этой цели исчерпаны».

Так вот, подумал я, вспоминая эту заметку, неужели во время проектирования и строительства башни был заранее запланирован такой вот именно героический демонстрационный стальной площадки перед самым пуском?

Да, очевидно, в конечном итоге события перед самым пуском сложились так, что для достижения необходимой обществу цели потребовался героизм, и цели его проявились. Но все-таки почему же оказалось, что все обычные сред-

ства в публицистике не всегда хватает четкости и в определении этого водораздела, и в анализе общественных обстоятельств, способствующих самовыдвижению, то есть карьеризму.

Слова «долг» и «должность» — от одного корня, но это не делает их синонимами. А ведь у нас встречаются люди, которые видят свой долг в том, что они должны занимать должность. А нет должности, нет и долга!

Мне довелось в течение нескольких лет подряд наблюдать двух людей, поначалу занимавших высокие должности, а потом этих должностей лишившихся. Возмем за отправную точку, что в обоих случаях общества были основаны лишь из этих высоких должностей. Меня в данном случае занимает дальнейшее, принципиально различное с нравственной точки зрения поведение людей.

Один из них вместе с потерей высокой должности потерял и чувство долга перед обществом. Он считал, что на меньшей должности он уже ничего не должен и стал не работать, а пересидеть на ней время. И — это уже детали, но существенные, — за короткое время он даже внешне неправдоподобно переменился, сжался, как игрушка «уйди-уйди», из которой выпустить воздух. Для него этим воздухом было самоощущение собственной служебной значимости.

Другой человек, снятый с высокого поста, без колебаний отказался от спонсорной и, в общем, почетной работы, на которой не чувствовал себя полезным, и попросил дать ему самый отстающий совхоз республики. Год за годом он работал в этом совхозе не покладая рук. Проводил каналы и самал сады, и к тому дню, когда он умер, уважаемый всеми, кто его знал, — сотни гектаров этих садов зеленели в безводной и

Но вот с чем я столкнулся, читая почту «Комсомольской правды», связанную с выступлениями газеты о подвиге сельского комсомольца, молодого тракториста Анатолия Мерзлова, погибшего, спасая трактор и поле с хлебом.

Среди многих писем, в которых отдавался дань нравственной красоте поступка семнадцатилетнего комсомольца, мне попались и сердитые. Нет, в них не оспаривался подвиг, в них отдавалось должное Мерзлову! Но наряду с этим в них ставились некоторые горькие нравственные вопросы.

Да, газета написала о человеке, отдавшем жизнь за народное добро! Но наряду с этим спрашивалось — почему печатать еще так часто приходит мимо расхищения или неправильного расходования народного добра? Почему она проходит мимо людей, которые прямо ответственны за большие и даже огромные материальные убытки и которм, для того, чтобы наше хозяйство избежало этих убытков, отнюдь не надо было жертвовать жизнью, а нужно было просто достаточно хорошо знать свое дело, выполнять свой прямой долг и отвечать за свои поступки.

Примеры приводились разные, из разных областей хозяйства, и письма были из разных мест. А объединяло их чувство горечи, боли за народное добро и стремление докопаться до того, как же это так получается, что в одной и той же стране — здесь человек рискует жизнью, чтобы спасти народное добро, а в тот же день, в другом месте, другой человек равнодушно проходит мимо гибнущего народного добра?

Как будто это его не касается, как будто это не лежит на его ответственности!

За этими строгими письмами я почувствовал все обостряющееся в обществе внимание к неоправданным убыткам и к их виновникам.

К тому, что это — то здесь, то там — все еще сходит им с рук.

В этих строгих письмах заложено здоровое начало непримиримости и к упущениям, и к попустительству — той непримиримости, которая сама является одним из залогов здорового общества.

Думается, что нравственная сторона проблемы борьбы с неоправданными потерями в нашем хозяйстве заслуживает более пристального внимания нашей публицистики. Мы обязаны помнить не только о материальных, но и о нравственных потерях. Обязаны помнить — какие чувства у рабочего человека, добросовестно экономящего каждый грамм металла, вызывает зрелище ржавшей и прорастающей травой, лежащей где-то тут же за соседним забором, купленной на валюту иностранной техники.

Эта гниющая техника — не просто материальный убыток, это еще и нравственная травма для многих людей, травма, с которой они не желают мириться.

КАК и любому из нас, мне хочется мысленно заглянуть в будущее, в 80-е и 90-е годы нашего века, когда сегодняшние школьники будут стоять у станков, у чертежных столов конструкторских бюро, у пультов управления предприятий и энергосистем.

Думая об этом, я вспоминаю о школьном учителе, о его решающей роли в нравственном формировании нашего общества 80-х — 90-х годов. Истоки всего того, о чем я только что говорил, — принципиальности, порядочности, правильного отношения к делу и к людям — все это закладывается в школе.

И мне кажется, — в данном случае я говорю прежде всего о нас — писателях, публицистах, журналистах, — что нам всем вместе пришла пора задуматься над тем, как сделать так, чтобы техникумы и вузы, готовящие учителей, стали в центр нашего внимания. Чтобы были созданы условия, при которых в них шел бы цвет молодежи — и девушек, и юношей, — подчеркиваю это, — и ЮНОШЕЙ, потому что педагогика это равно в такой же мере мужское, как и женское дело.

Мне кажется, что в этом вопросе нам еще не хватает чувства социальной стратегии.

Порой в наших книгах и статьях, говоря о самых важных для нашего общества профессиях, мы называем то физиков, то химиков, то биологов, то металлургов, то инженеров, столь же замечательные профессии, забывая при этом, что и физик, и химик, и биолог, и металлург, прежде чем стать человеком любой из этих профессий — перед этим пройдет через руки школьного учителя. И то, каким он потом будет физиком или металлургом, и как он будет работать, и как будет относиться к своему делу, и сколько сделает в жизни, — во многом зависит от того, через руки каких учителей он до этого пройдет в школе.

Мы все прекрасно знаем, как много делает комсомол и сколько больших комсомольских строек существует в нашей стране. Но у меня возникает мысль, что быть может, самой большой и самой важной всеобщей комсомольской стройкой была бы всеобщая комсомольская стройка, развернутая повсюду, где люди готовятся стать воспитателями и учителями.

Повторяю, мне кажется, что это один из самых важных вопросов нашей, рассчитанной на долгие годы социальной и нравственной стратегии. И постановка его — одна из существеннейших задач нашей публицистики.

сухой ранее степи. Для него долг был главным, а должность — второстепенным, и он до конца жизни там, в совхозе, оставался человеком на своем месте.

Я привел этот взятый из жизни случай, потому что, хотя мы, литераторы, в сатирических и юмористических сочинениях довольно часто острим, — правда, главным образом в районных масштабах, — вокруг злоупотребления понятиями «номенклатура» и «номенклатурный работник», но, пожалуй, мало вникаем, в том числе и в публицистике, в нравственную опасность для самого человека постепенно возникающего у него самоощущения себя как постоянной общественной величины.

Было бы нелепо иронизировать над самим понятием «номенклатура» — понятием деловым, установившимся в многоточий общественной практике и, в принципе, связанным с необходимой общественной работой о правильном подборе и расстановке кадров.

Но когда мы говорим о каждом отдельно взятом человеке и о его взгляде на долг и должность, то самоощущение себя таким человеком как некоего пожизненно «номенклатурного» существа — далеко от нравственных норм социалистического общества. Когда это ощущение разрастается внутри человека, оно становится прежде всего его личной бедой. Но, когда оно закрепляется там или здесь неправильной общественной практикой, оно начинает перерастать в беду, уже общественную.

Недавно молодой журналист, человек решительный и способный ставить точки над «и», рассказывая мне об одном попадании в номенклатуру работник, оказавшемся по деловым качествам явно не на своем месте, вдруг закончил рассказ неожиданной для меня концовкой: что не убежден — принесет ли пользу резкая постановка этого вопроса.

Я удивился — как же так?

— А очень просто. Там, где работает этот человек, сложилась обстановка, при которой перед лицом неопровержимых фактов от этой работы его, пожалуй, и освободят. Но на рядовую работу, с которой он способен справиться, — все равно не пошлют, а лишь переместят на другую руководящую. На той должности, где он сейчас, все уже знают ему цену и привыкли возмещать своей работой то, что не работает он, а на новом месте — пока еще разберутся!

Мне, конечно, не хотелось примириться с таким выводом, но я подумал: а не та ли это общественно опасная ситуация, когда не только сам человек самоощущает себя вечной номенклатурой, но — что гораздо хуже — такое отношение к этой проблеме стало частью местного нравственного микроклимата?

Думается, что эта общественная и нравственная проблема заслуживает большего внимания публицистики, чем ей пока уделяется: ибо в человеческом исчислении — успех пятилетнего плана в конечном итоге зависит от того, как все мы, каждый на своем месте, будем работать. А место, на котором ты работаешь, должно быть действительно твоим местом в обществе, то есть тем местом, на котором ты можешь принести ему наибольшую пользу. И коли это не так, так, стало быть, оно не твоё, а чужое.

НЕСКОЛЬКО слов о нравственной стороне проблемы неоправданных материальных потерь.

Наша публицистика много и сердито пишет о фактах этих потерь. И по большей части имеет мужество называть конкретные виновники, что